

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Конталевой Евгении Александровны на тему: «Религиозный синкретизм в ментальности восточной ветви русской эмиграции», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Сочетание культур и традиций, признание их равнозначности, равнозначности, их синкретизм представляют собой не просто жизненную необходимость, условие сосуществования, взаимозависимость, но и самостоятельную ценность. В религиозном выражении синкретизм стабилизирует общество в моменты исторических и духовных кризисов. Русская эмиграция восточной ветви, находясь на территориальном и культурном рубеже, сформировала особый порубежный тип ментальности, включал местные особенности, условия бытия, испытала процессы маргинализации, синcretизации, неомифологизации. Эмигранты, стремясь выразить свою идентичность, пытались преодолеть разграничения в онтологических и космологических основаниях, как и тоску по привычному дореволюционному укладу жизни, настроения реванша и мессианские идеи.

Однако социокультурное пространство эмиграции способствовало освоению синcretических продуктов образов и мотивов, доброжелательность китайцев породило позитивное отношение русских к местным традициям, знакомым по историко-экономическим контактам. Таким образом устаревшие основания мифологического сознания китайцев при смешении с субъективным восприятием русских эмигрантов формирует отражение в художественной и литературно-публицистической среде. Эти особенности пограничной ментальности и синкретизма существуют до сих пор и не имеют обстоятельного изучения, хотя количество исследователей дальневосточной миграции растет, но недостаток архивного материала сказывается в сфере религиоведения.

Научная актуальность темы исследования Конталевой Евгении Александровны не вызывает сомнений, что подтверждается автором диссертационной работы, представленной фундаментальной российской и зарубежной библиографии широкого круга исследователей процессов синкретизации на рубеже XIX-XX вв., изучения исторических и теоретических аспектов феномена синкретизма. Здесь автор проявила солидную эрудицию и адекватное понимание философских, культурно-исторических и религиозных процессов в Китае. Особо отмечается роль исследователей синкретических элементов и мифологического мировоззрения, мифоритуальной, культовой, обрядовой практике славянской духовной культуры с историко-религиозных и мифологических позиций. Диапазон библиографии автора работы обширен - от древности до постмодернистских тенденций в процессах синкретизации и их связи с глобализацией, фундаментализмом и современный религиозный синкретизм в субъектно-индивидуальном воплощении в диалоге Восток-Запад. Убедительно используются художественные и публицистические

тексты дальневосточных эмигрантов, архивные материалы Центра изучения дальневосточной эмиграции, Центральной научной библиотеки ДВО РАН.

В диссертационном исследовании последовательно раскрываются теоретические трактовки феномена религиозного синкретизма в фокусе отечественных и зарубежных исследований, религиозный синкретизм в ментальности восточной русской эмиграции (фронтальная ментальность, синкретическая инобытийность в эмигрантской периодике, религиозно-мистические и эзотерические основания художественной литературы, восточные образы и мотивы в художественно-этнографических произведениях русских эмигрантов). Рассматриваются основные формы религиозного синкретизма (выделение человека из природы и окружающего мира, наличия границ между религиозными системами и создание религиозной целостности, и синкретизм, возникающий на границах религиозной системы и обособившейся от нее комплекса систем (философских, политических, художественных, эстетических и т.п.), допускающих тотальный синтез религиозно-философских социально-научных и иных компонентов с целью создания универсальной духовной целостности этноса.

Давая историческую справку возникновения синкретизма от ранних форм религии, затем античности и средневековья, и тотального синтеза конца XIX- начала XX вв., выразившихся в учениях агни-Йога, Рамакришны, движения Нью-Эйдж и других квазирелигиозных и неомифологических образований, автор говорит, что носителем этой формы становится творческая личность, готовая преодолеть границы бытия и вернуться к слиянию с природой. (с.22) Признавая объективную сложность и многоаспектность феномена синкретизма, автор выдвигает свою – они сосуществуют, меняют друг друга, дуалистичны и т.п. (с.23), но справедливы для европейской истории и принимается как теоретико-методологическая система диссертации. Подкрепляется это положение историей термина синкретизм, проблемная неопределенность, его дискуссионность применения, соприкосновения с эклектизмом, религиозным плорализмом, анализом свойств человеческого сознания и мышления, в котором возникают синкретические формы. Отмечается его образность, пограничный характер, связь с фантазией, религиозным творчеством, сакральной реальностью. Даётся краткий историко-философский анализ его трактовки. Религиозное мышление формируется под влияние окружающей природной среды, биологического начала человека и социального взаимодействия.

В диссертации дается анализ религиозного синкретизма в отечественных и зарубежных работах, исследующих синкретический монолит первобытного общества, раннего Homo sapiens, анимистические представления, «сферхнормальные феномены» (Лэнг) религиозных переживаний, магия (Фрэзер), тотемистическая инверсия (Леви-Стросс), фетишизм (де Бросс), анимизм (Штернберг), трудов Веселовского, Ключевского, Вс. Миллера и др. Через этнографические штудии, «вербального уравнивания» имен богов, синкретической проторелигии, политеизма, еретических движений, синтеза античного и христианского мировосприятия, а на Руси двоеверие, связанное с миссионерством, народным календарем, захарством, соединение монотеистических религий и их верований, принятые как народная религия, «живая религия» (Маторин) и его

структурой. Диссертант привлекает широкий пласт работ этнографов, фольклористики, исторических, социально-экономических, политических, географических и др. особенностей обитания той или иной культуры (Зеленин, Виноградов, Елеонская, Рыбаков).

Автор формулирует три формы модификации религиозного синкретизма: 1) культурно-религиозная диффузия, 2) «метисация» религиозных систем разного уровня и степени развития, 3) современное конструирование веры - тотальное смешение религиозных верований, мифологических, философских, художественных интерпретаций и научных теорий. В настоящее время существуют религиозно-философские синкретические учения с уклоном в мистицизм, оккультизм, спиритуализм, гностицизм, эзотерику и даже деструктивных культов. Автор считает, что «эта форма синкретизма возникает в результате постепенного отграничения религии от философии, политических и социальных теорий, права, эстетики и проч. сфер духовной культуры и последующего стремления человека преодолеть возникшие границы» (с. 44). Имеют место утверждения, что определенный уровень синкретизма присущ любой вере (К. Хартни, Л. Пенн), этому способствует глобализация, полисинкретизм, становление «новой» религиозности и поиск новых религиозных направлений в связи повышенной чувствительностью и интенсивной изменчивостью реальности, как и особенностями изменения религиозного сознания в современных условиях социокультурных трансформаций (с.47).

Определяются черты индивидуальной религиозности (с. 49-50) – деинерархизация, детотализация, веротерпимость и толерантность, эзотеричность,teleологичность, многомерность, интерес к глубинам прошлого и мифам. Причины развития данной формы религиозного сознания автор видит в последствиях мировых войн, в воинствующем атеизме, сдерживающем религиозном возрождении, в кризисе традиционной религиозности, искаженности восприятия мировых религий, контруктуры, распространении новых религиозных движений, процессах секуляризации, как и неудовлетворенность человека реальной жизнью и поиском религиозной альтернативы, духовном плюрализме и индивидуализме. Возникает вопрос о ремифологизации в культурах, перенесших кризис (Кассирер, Хюбнер, Элиаде), проявлении религиозного синкретизма в фэнтези, фантастике, магическом реализме. (с.52) Все это справедливо лишь для европейской ментальности, тогда как восточная ментальность иная. Диссертант дает свою картину этого процесса «на Востоке», в Китае (Л.С. Васильев, А. Зельницкий) (с.53-55). Автор резюмирует, что многие особенности развития религиозной синкретичности в среде русской эмиграции в Китае на рубеже XIX-XX вв. являются «защитной» реакцией и поиском иных духовных оснований в преодолении порубежного существования.

Вторая глава, собственно, и посвящена исследуемой проблеме. Вначале автор определяет специфику фронтирной ментальности и социокультурные особенности жизни русских эмигрантов в Китае. Раскрываются особенности изучения феномена ментальности (французская школа «Анналов», Дюркгейм, Леви-Брюль, Мосс, Шпенглер, Фромм, Кассирер, Хейзинга, Фуко, Тартуско-московская семиотическая школа, А.Я. Гуревич, Лотман, Лосев и др.), её интерсубъективные основания, различные подходы, определяющие её содержание (с.59) как метаязыка культуры.

Автор исследования принимает за ментальность «особое мировосприятие человека или группы, обусловленное эмпирически, темпорально и онтологически, в котором значительное место занимает бессознательное» (с.60). Фронтальная ментальность присуща дальневосточникам и эмигрантам как носителям идеино-психологических особенностей, существующих в условиях порубежья. Ей присущи такие понятия как свобода, надежда, индивидуализм, упрощение институтов, конфликтогенность ввиду огрубления нравов, жажды наживы и др. Важнейшими её характеристиками автор диссертации выделяет неопределенность, неустойчивость, проявляющуюся в законах, нормах и логике жизни.

Что касается дальневосточной фронтальной ментальности, то она не была обременена исторической традицией, влиянием обычаев, религиозная составляющая которой формировалась стихийно, с вольной свободой выражения склонной к синкетизации. Её носителями были люди особого духа – индивиды авантюрного склада, жизнелюбы, «пассионарии». Эту интенцию они сохранили и в эмиграции. Высококультурные представители её через код языковой системы испытывали «культурное принуждение», маргинализацию и синкетизацию. Формировавшаяся русская эмиграция длительное время, вначале XX в. – это Россия в миниатюре, без этнической избирательности, с разнообразием социального положения, вероисповедания, языков. Это – диаспора, подпитываемая от беглых каторжников до миссионеров и старообрядцев, а затем «белых эмигрантов», частей белых армий, особое общественно-культурное пространство бытия, «формация социально-религиозно-политического быта», с сопротивлением ассимиляции, ностальгирующей и мифологизирующей образ России. Харбин, как центр русского зарубежья, как крупнейший центр эмиграции оказался связующим звеном с десятком других городов Китая и местами расселения русских в Монголии, Европе, США, Канаде, Австралии и Латинской Америке.

Автор работы обстоятельно раскрывает историю формирования и социальный состав русской диаспоры (с.67- 68) и роль центра «духовного притяжения» - православия для эмигрантов, её гражданско-правовое сиротство после революции и тяжелое социально-политическое положение и беззащитность перед китайскими полицейскими, чиновниками, разбойниками, большевиками. Трудное положение в 1920-30-х годах вынудило многих искать лучшей жизни в Северной и Южной Америке, Австралии, Канаде, Европе. Освобождение Харбина в 1945 советской армией только прибавило проблем, а после смерти Сталина отношения с Китаем испортились, и эмигранты стали перебираться в другие страны. К 1967 г в Харбине осталось около 150 русских. А до этого в Харбине действовали театры, музеи, издавались 115 газет, 275 журналов, печатали романы и издавали детские журналы. Писатели и поэты пользовались свободой выражений своих чувств, создавали свои литературные кружки. Были свои этнографы, переводчики, натуралисты, востоковеды, но харбинское пространство русской диаспоры быстро мифологизировалось, становился популярным мистицизм, медиумизм, теософия и антропософия. Так создавалось синкетическое мироощущение эмигрантской жизни и самого пространства русской диаспоры, как «восточный Петербург», «восточный

Чикаго», «восточный Сан-Франциско», «восточный Париж», «восточный Клондайк», «восточный Сион» (Забияко А.С.).

Социокультурная среда русской эмиграции формируется под воздействием дальневосточной фронтальной ментальности, которая, способствовала «стихийности» религиозного сознания, широте религиозной свободы, неоднородности религиозных оснований и обуславливала восприимчивость эмигрантов к овладению инокультурными образцами и уступчивость процессам синкретизации. (с. 74). Синкретичная инобытийность распространялась на страницах эмигрантской периодики и в публицистике. Интерес к мистике был отголоском дореволюционных нравов и откликом на общеевропейскую волну интереса к инобытийным элементам жизни после Первой мировой войны. Были популярны идеи Н.К. Рериха, Г. И. Гурджиева и А.Н. Шмидта, Р. Штейнера, Папюса. В Приамурье распространились гадатели и прорицатели. Интеллигенция интересовалась спиритизмом и толстовством, которое подогревалось театром и кино на эту тему. В экзистенциальную орбиту восточной православной эмиграции включается активный интерес к общению с духами, тяга к тайнам, ясновидению, астрологии, предсказанию судьбы. В кризисные времена русских изгнанников они служили дополнительной поддержкой и надеждой на обретение мира и покоя. Представители рынка оккультных наук были известны. Определенную роль играл в этом деле и русское издание китайской газеты «Харбин Гун-Бао» (вестник, ведомости, известия), как и материалы, связанные с китайской духовной культурой. Гораздо чаще объявлений в журнале «Рубеж» можно встретить разнообразные статьи – от обзорных до критических – на тему мистики и эзотерики. Одной из наиболее популярных тем становится мантрика в её разнообразных проявлениях.

Автор диссертации специально останавливается на анализе религиозно-мистических и эзотерических основаниях художественных текстов на страницах популярного журнала «Рубеж». Мистические идеи проникают в литературное творчество и журнал становится отражением процессов секуляризации и мировоззренческого плюрализма. Поскольку он был ориентирован на различные слои населения и был популярен в Харбине, Шанхае, Тяньцзине и Китае в целом, а также в центрах эмиграции Париже, Берлине, Варшаве, Праге, Риге, Софии, Бухаресте, Сараево и др., то он не только увязывал читательскую массу с русской культурой, но и распространял религиозный синкретизм. Последний сочетал различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные элементы, культурный контекст сочинений автор соотносит с жанром магического реализма. Тексты семантически раскрывают спиритические мотивы, отсылки к магическим практикам, реконструированным суевериям, с мистическим и религиозным опытом. Наибольшая группа текстов касается темы общения с духами и призраками (с. 91-98) – «визитирующие покойники», ночные видения, переселения душ, гадание, ясновидение, предсказания, культ камней и амулетов, поверья и суеверия, нечистой силы, демонов.

Соприкосновение с божественной реальностью в текстах раскрывается или древних, языческих образов, или чувства благоговейного трепета и божественной любви. Здесь и мотивы идолопоклонства, жертвоприношений, божественной

андрогинии (божественном гермафродитизме), которым противостоит православная вера. Чувство божественной любви при соприкосновении с божественным диссертант раскрывает при анализе рассказа, связанного с культурой андских цивилизаций. Мотивы «памяти и забвения» широко представлены в мифологическом, эпическом, сказочном и народном творчестве. Отдельные текст можно отнести к жанру магического реализма, которые автор сравнивает с романом Г. Маркеса «Сто лет одиночества» (с.109-110). Порубежное, смутное положение русской эмиграции выражалось в своеобразном эскапизме и поиске свежих откровений, иллюзорных возможностей трансформации действительности, что отразилось в тяге к мистическим и оккультным мотивам в социальной и в литературно - художественной среде. Дальневосточным писателям удавалось создавать синcretические конструкты, отвечавшие и настроениям эпохи, и окружающей культуре. Газетные издания пестрели объявлениями с предложением эзотерических услуг.

Русские эмигранты в Китае имели и культурную отзывчивость к востоку, сочетая романтизм, авантюризм, открытость и восприимчивость к инокультурным паттернам. Создавались общества, выпускались журналы, работали этнографы (в диссертации дается анализ работ В.В. Шкуркина) (с.112-118), пытавшиеся исследовать тему преодоления культур, изучение китайских традиций, культурных, религиозных и психологических установок представителей определенного этноса (работы Н.А. Байкова по Маньчжурии) (с.118-125). Последний демонстрирует и собственное синcretическое мировоззрение. Даётся портрет мировосприятия М.В. Щербакова (с. 125-133) и творчества Б.М. Юльского (с. 133- 139), сочетавшего элементы китайских легенд и мифов с европейской и русской мифологией. Многие писатели-ориенталисты сумели не только философски осмыслить китайскую стихотворную традицию, но и сочетать с христианскими образами в собственном творчестве. Автор диссертации приводит целый ряд подобных авторов эмигрантов.

В заключение диссертационного исследования дается общая оценка проведенного исследования, в которой полагается, что каждая из модификаций, форм синcretизма, однажды возникнув, не прекращает своё существование ввиду своей сложности и многоаспектности. Восточная эмиграция включала в свой интерес мистику, эзотерику, магию, спиритизм, спиритуализм, гороскопы, гадания, ясновидение, предсказания и т.д., что соответствовало общеевропейским настроениям и было продолжением тенденций дореволюционной России и серебряного века. Использование комплекса методов исследования в совокупности позволило достичь целей диссертации – раскрыть особенности и характерные черты религиозно-синcretических образований в эмигрантской среде на Дальнем Востоке. Степень достоверности и апробация результатов исследования не вызывают сомнения. Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию в публикациях автора диссертации.

Диссертация Конталевой Евгении Александровны на тему: «Религиозный синcretизм в ментальности восточной ветви русской эмиграции» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О

порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Конталева Евгения Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук, профессор, профессор Института философии СПбГУ
А.С. Колесников

Дата 22.09.2022